

Серикова А.Ю.

[Рец. на кн.:] *Kisić V. Governing Heritage Dissonance. Promises and Realities of Selected Cultural Policies.* Belgrade: European Cultural Foundation (ECF), 2016. 328 p. ISBN/EAN 978–90–6282–069–6

Серикова, Анастасия Юрьевна—магистр музеологии, аспирант, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Россия, Санкт-Петербург, serikova2020@mail.ru.

В рецензии анализируется монография «Управление диссонансом наследия. Обещания и реалии культурной политики» (2016) сербской исследовательницы и преподавателя Центра музеологии и наследиеведения Университета Белграда (Сербия) Вишни Кисич. Книга посвящена проблеме управления диссонансом наследия в странах Юго-Восточной Европы. Труд, получивший премию за лучшее исследование культурной политики Европейского культурного форума (2013), включает в себя девять глав, охватывающих как теоретико-концептуальные аспекты диссонанса наследия, так и анализ четырех инициатив, прорабатывающих диссонанс наследия на практике. Изучая изменения в понимании диссонанса в трудах по наследию и культурной памяти, а также международных программных документах, В. Кисич предлагает концепцию «инклюзивного дискурса наследия» как альтернативу «авторизованному дискурсу наследия» Лораджейн Смит, а также понятие «диссонанс наследия» вместо «диссонантного наследия» в формулировке Джона Танбриджа и Грегори Эшворта. Диссонанс наследия трактуется В. Кисич как скрытое качество, присущее любому наследию, открывающее пространство для дискуссии о смыслах и интерпретациях наследия, что задает рамки для анализа текущей и создания будущей политики в области наследия, интерпретационных и управленческих практик. Проведя анализ таких культурных проектов и инициатив, как процесс серийной номинации средневековых надгробий Стечаки в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, передвижная выставка «Представляя Балканы: идентичности и воспоминания долгого XIX в.» и др., автор аргументирует диссонанс как имманентно присущее наследию качество и доказывает, что оно не обязательно связано с войнами и насилием, а потому может быть включено в более широкие социальные и культурные модели понимания и использования наследия.

Ключевые слова: трудное наследие, диссонантное наследие, диссонанс, «авторизованный дискурс наследия», «инклюзивный дискурс наследия», музеология, наследие.

[Review of:] *Kisić V. Governing Heritage Dissonance. Promises and Realities of Selected Cultural Policies.* Belgrade: European Cultural Foundation (ECF), 2016. 328 p. ISBN/EAN 978–90–6282–069–6

Serikova, Anastasia Yurievna—MA in Museology, PhD. Student, Saint-Petersburg State Institute of Culture, Russian Federation, Saint-Petersburg, serikova2020@mail.ru.

The review analyzes the monograph “Governing Heritage Dissonance. Promises and Realities of Selected Cultural Policies” (2016) of Višnja Kisić, the researcher and teacher of the Center for Museology and Heritology at the University of Belgrade (Serbia). The book is devoted to the problem of managing the dissonance of heritage in the countries of South-Eastern Europe. The work, which won the Cultural Policy Research Award (2013) of European Cultural

Foundation, includes nine chapters covering both the theoretical and conceptual aspects of heritage dissonance and an analysis of four initiatives that work through the dissonance of heritage in practice. Studying changes in the understanding of dissonance in works on heritage and cultural memory, as well as international program documents, V. Kisić proposes the concept of “inclusive heritage discourse” as an alternative to “authorized heritage discourse” of Lorajane Smith. She also offers the concept of “heritage dissonance” instead of “dissonant heritage”, as coined by John Tunbridge and Gregory Ashworth. The dissonance of heritage is interpreted by V. Kisić as a latent quality inherent in any heritage, opening up space for discussion about the meanings and interpretations of heritage. It sets the framework for the current and future heritage policy, interpretive and management practices. The author analyzes such initiatives as the process of serial nomination of medieval gravestones Stećaks for the UNESCO World Heritage List, the travelling exhibition titled “Imagining the Balkans: Identities and Memories in the Long 19th Century” etc. The author argues dissonance as an inherent quality of heritage, notes that it is not necessarily associated with wars and violence, and therefore can be included in broader social and cultural models of understanding and using heritage.

Key words: difficult heritage, dissonant heritage, dissonance, “Authorized Heritage Discourse”, “Inclusive Heritage Discourse”, museology, heritage.

Исследования, рассматривающие трудное или диссонантное наследие с позиций музеологии, все еще остаются редким явлением как за рубежом, так и в России. Развиваясь как междисциплинарное направление гуманитарных исследований с конца 1990-х гг., проблематика трудного наследия чаще всего помещается зарубежными учеными в различные контексты: управление наследием, памятники архитектуры, археология. Форма монографий для подобных исследований является скорее исключением. К таковым, в первую очередь, можно отнести труды Дж.Е. Танбриджа и Гр.Дж. Эшворта¹, Ш. Макдональд², Г. Уоллентца³. Разнообразные примеры из мировой практики взаимодействия с трудным наследием собраны в более распространенных коллективных монографиях и сборниках статей под редакцией Х. Сильверман⁴, Т. Ладесмаки⁵, К.Л. Самюэльса и Т. Рико⁶, С. Кранкенхагена⁷, Р. Кузек и Г. Пуршла⁸ и др. На русском языке отсутствуют оригинальные или переводные комплексные исследования трудного наследия как историко-культурного феномена⁹. Тем не менее, после публикаций М.Б. Гнедовского¹⁰

¹ *Tunbridge J.E., Ashworth G.J.* Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester, 1996.

² *Macdonald Sh.*: 1) *Difficult Heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond.* New York, 2009; 2) *Memorylands. Heritage and Identity in Europe Today.* New York, 2013.

³ *Wollentz G.* *Landscapes of Difficult Heritage.* Cham, 2020.

⁴ *Silverman H.* *Contested Cultural Heritage. Religion, Nationalism, Erasure, and Exclusion in a Global World.* New York, 2011.

⁵ *Lahdesmaki T. et al.* *Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europa.* Cham, 2019.

⁶ *Samuels K.L. et al.* *Heritage keywords. Rhetoric and Redescription in Cultural Heritage.* Colorado, 2015.

⁷ *Krankenbogen S.* *Exhibiting Europe: The Development of European Narratives in Museums, Collections, and Exhibitions // Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research.* 2011. Vol. 3 (3). P. 269–278.

⁸ *Kusek R., Purchla J.* *Heritage and Society.* Krakow, 2019.

⁹ Подробнее см.: *Мастеница Е.Н., Серикова А.Ю.* «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // *Образование и культурное пространство.* 2021. № 1. С. 79–85.

¹⁰ *Гнедовский М.Б.* Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести»). См. по адресу: <https://urokiistorii.ru/article/1194> (ссылка последний раз проверялась 14.02.2022).

и Н. Охогина¹¹ эта проблематика все чаще поднимается в статьях отечественных исследователей, что говорит о возрастающем интересе к трудному наследию со стороны теоретиков и практиков музейного дела.

Рецензируемая монография привлекает внимание и заслуживает представления на русском языке по нескольким причинам: во-первых, она является одной из немногих крупных работ в этом исследовательском поле, и, насколько мы можем судить, на данный момент это единственная монография, рассматривающая проблематику трудного наследия с опорой на музеологию, а не другие дисциплины. Во-вторых, концепция диссонанса наследия, предложенная в ней, раздвигает теоретические границы понимания трудного наследия за рамки Холокоста, преступлений национал-социализма, мировых войн и репрессий, что раскрывает значительный потенциал исследований трудного наследия. И в-третьих, концепция диссонанса наследия В. Кисич нашла признание среди зарубежных исследователей, о чем свидетельствует активное цитирование данной работы в трудах опубликованных после 2016 г. (Г. Уоллентц¹², М. Хамм¹³ и др.).

Автором монографии является молодая сербская исследовательница Вишня Кисич, имеющая ученую степень в области музеологии и наследия и преподающая в Центре музеологии и наследиеведения Университета Белграда и на кафедре ЮНЕСКО по культурной политике и менеджменту Университета искусств Белграда. Помимо академической деятельности В. Кисич осуществляет экспертный контроль над проектами и программами в сфере наследия в Юго-Восточной Европе и является членом таких международных организаций, как ИКОМ, Ассоциация Наследия Европы, «*Europa Nostra*» в Сербии и входит в правление Сети наследия Юго-Восточной Европы (Р. 319). В круг научных интересов В. Кисич входит управление наследием, его интерпретация, культурная политика, взаимодействие с сообществами и медиация.

Исследование современной культурной политики Балканских стран в отношении событий 1991–2001 гг., которые привели к распаду Югославии, начатое В. Кисич в выпускной квалификационной работе бакалавра и продолженное в кандидатской диссертации под научным руководством И. Суботич, Д. Булатович и Т. Шолы, завершилось присуждением премии Европейского культурного форума за лучшее исследование культурной политики в 2013 г.¹⁴ и публикацией монографии «Управление диссонансом наследия. Обещания и реалии культурной политики» в 2016 г. (Р. 16). Это самая крупная и значимая работа данного автора. Характеризуя исследование В. Кисич, эксперты в области наследия, культурной политики и музеологии сходятся во мнении, что оно представляет собой чрезвычайно актуальную и своевременную попытку рассмотрения наследия и культурной

¹¹ Гнедовский М.Б., Охотин Н. Стрдание как экспонат или музеи строгого режима. См. по адресу: <https://urokiistorii.ru/article/2528> (ссылка последний раз проверялась 14.02.2022).

¹² Wollentz G. et al. Toxic Heritage: Uncertain and Unsafe // *Heritage Futures. Comparative Approaches to Natural and Cultural Heritage Practices*. London, 2020. P. 294–313; Wollentz G. Prehistoric Violence as Difficult Heritage. Sandby Borg—A Place of Avoidance and Belonging // *Current Swedish Archeology*. 2017. Vol. 25. P. 199–226.

¹³ Hamm M. Making heritage contentious. On the Productivity of Conflicts and Dissonances // *Contentious Cultural Heritages and Arts. A Critical Companion*. Klagenfurt, 2020. P. 119–145.

¹⁴ Премия за лучшее исследование культурной политики была учреждена Европейским культурным фондом в 2004 г. с целью поддержки карьерного роста молодого поколения исследователей, укрепления дисциплины в академическом мире и роста сети исследователей культурной политики. С 2014 г. организатором премии является ENCATC — международная сеть институтов и экспертов, занимающихся образованием, обучением и исследованием менеджмента в сфере культуры и культурной политикой.

политики в контексте проблем разногласий, конфликтов и примирения. Снежка Кадзвлиг-Михайлович отмечает, что работа В. Кисич «убедительно доказывает решающую роль культуры и наследия в преодолении символического насилия и создании понимания “другого”» (Р. 5). Томислав Шола отзывается об этой монографии как «самой серьезной попытке объяснить характер наследия (за последние годы — А.С.)» (Р. 7).

Ключевые положения рецензируемой монографии, как отмечается самой В. Кисич, во многом вырастают из идей, высказанных в двух трудах. Первый из них — монография британских исследователей Джона Танбриджа и Грегори Эшворта «Диссонантное наследие. Управление прошлым как ресурсом в конфликтах»¹⁵. В этой работе впервые был предложен термин «диссонантное наследие», который трактуется Дж. Танбриджем и Гр. Эшвортом как прошлое, интерпретируемое с опорой на разные ценности¹⁶. Научные интересы авторов в сфере географии наследия, управления и маркетинга территорий сфокусировали предложенную ими концепции «диссонанса» на практике управления и экономического использования наследия, связанного с насилием и войнами. В рамках этой концепции исследователи изучают институциональные примеры из разных стран (Центральная Европа, Канада и Южная Африка).

Вторая работа — труд австралийской исследовательницы Лораджин Смит «Использование наследия»¹⁷. Автор трактует наследие как процесс культурного производства, включающий в себя дисциплины, изучающие наследие, практики его сохранения и презентации, а также взаимодействие с ним посетителей. Важнейшим теоретическим компонентом монографии Л. Смит является концепция «авторизованного дискурса наследия», который направлен «на некритическое понимание наследия, что способствует достижению консенсуса относительно прошлого, сглаживанию конфликтов и социальных различий»¹⁸. Строя исследование на методологической базе критического анализа дискурса, Л. Смит при помощи изучения общества и наследия через язык выделяет материальность наследия как ключевую характеристику наследия в западной культуре последних полутора столетий¹⁹. В этих рамках, авторизованный дискурс наследия «определяет наследие как эстетически приятные материальные объекты, места, пространства и/или ландшафты, которые невозобновимы»²⁰, при этом «темная или спорная сторона прошлого не признается частью сложной структуры самого наследия, а просто отсеивается под маркой “особого случая”»²¹.

Ставя перед собой задачу исследовать вопросы наследия и конфликтов через взаимосвязь культурной политики и концепции диссонанса наследия, В. Кисич акцентирует внимание на том, что разработка теоретических аспектов этой проблематики чрезвычайно своевременна, т.к. расширение концепции наследия и дискурсивный сдвиг в его

---

¹⁵ *Tunbridge J.E., Ashworth G.J.* Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict.

¹⁶ *Ibid.* P. 21.

¹⁷ *Smith L.* Uses of Heritage. London, 2006.

¹⁸ *Фелькер А.В.* Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 31.

¹⁹ *Ананьев В.Г.* Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «авторизованный дискурс наследия» Лораджин Смит // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 232–239.

²⁰ *Смит Л.* «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 28.

²¹ Там же. С. 29.

понимании делают диссонанс наследия все более и более заметным (Р. 28). На уровне международной культурной политики культурное наследие все чаще рассматривается как ресурс развития диалога, демократических дискуссий и открытости между культурами, что находит отражение в Декларации Совета Европы о межкультурном диалоге и предотвращении конфликтов (*CoE 2003*) и Рамочной конвенции о ценности наследия для общества (*CoE 2005*) (Р. 31). Учитывая эту тенденцию, В. Кисич в центр своего исследования помещает анализ практических инициатив и методов работы с диссонансом наследия, направленных на поддержание мира на Балканах.

Для решения поставленной задачи В. Кисич выстраивает четкую и логически последовательную структуру исследования, которая включает в себя девять глав. В первой главе обозначаются теоретические рамки и методология исследования, во второй главе представлен анализ литературы, демонстрирующий разницу между концепциями «диссонантного наследия» и «диссонанса наследия». Третья и четвертая главы раскрывают историю развития идеи наследия «со знаком минус» в международных декларациях в области наследия второй половины XX в. В главах с пятой по восьмую приводятся данные кейс-исследований. В девятой главе подводятся итоги исследования и обозначаются перспективы применения инклюзивного дискурса наследия при работе с трудным наследием.

В основе методологии исследования В. Кисич лежит междисциплинарный интерпретационно-конструкторский подход и два ключевых метода. Первый из них — метод критического дискурса анализа литературы и программных документов — направлен на позиционирование концепции диссонанса наследия в междисциплинарных исследованиях и текстах международных документов по культурной политике, что формирует теоретическую базу для кейс-исследований. Второй — это метод тематического исследования, который применяется для конкретных примеров из практики в регионе Юго-Восточной Европы в сочетании с анализом документов, глубинными интервью, исследованиями фокус-групп, включенными наблюдениями, дополненными анализом дискурса (Р. 32).

Отмечая существующее многообразие синонимов термина «диссонантное» наследие в современных исследованиях наследия, памяти и туризма, В. Кисич констатирует, что чаще всего оно используется для обозначения мест, объектов и практик, которые оспаривались в прошлом или все еще оспариваются. Во многом полагаясь на концепцию «диссонантного» наследия как разногласия или несогласия в том, как прошлое представлено и интерпретируется различными акторами²², В. Кисич не использует этот термин по нескольким причинам. Одна из них заключается в ее несогласии с позицией Дж. Танбриджа и Гр. Эшворта, стремившихся преодолеть диссонанс и перейти к созвучию, по аналогии со стабильными аккордами в музыке. Созвучие, с их точки зрения, — это идеал, конец борьбы с диссонансом, который предполагает, что смягчение, предотвращение, устранение или распространение диссонанса являются главной целью при управлении таким наследием²³. В. Кисич подчеркивает, что идея «проработки» диссонанса приписывает ему как качеству негативный оттенок, что дополнительно аргументируется тем, что термин «диссонантное» наследие чаще всего используется, когда речь идет о местах насилия и войн (Р. 54). Кроме того, исследовательница выявляет тенденцию, невольно созданную монографией Дж. Танбриджа и Гр. Эшворта, «отделять наследие, которое

²² *Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. P. 21–27.*

²³ *Ibid. P. 263.*

является диссонантным и проблематичным, от всего остального “нормального”, удобного и всеобщего наследия» (Р. 53). По мнению В. Кисич, эта тенденция имеет серьезные последствия для исследований и разработки политики в отношении диссонантного наследия, поскольку она создает структуру, «которая заставляет нас воспринимать только определенные места как проблемные и требующие “решения”, “управления и регулирования” и обращения с ними особым образом»²⁴. Так, признание диссонанса используется не для утверждения необходимости пересмотра политики и практики управления наследием в целом, а только для пересмотра инструментов и процессов для управления в особо спорных объектах наследия, объектах или ландшафтах (Р. 53).

По мнению исследовательницы, желание уменьшить диссонанс, с одной стороны, часто ведет к маргинализации, забвению, разрушению наследия и может привести к его изменению и сознательному отграничению современного общества от идей, конфликтов и событий прошлого²⁵. С другой стороны, международный туризм, связанный с диссонантным наследием, рассматривается некоторыми авторами²⁶ как инструмент дискурсивного обмена и преодоления межкультурных барьеров. В. Кисич подчеркивает важность этих идей, т.к. они указывают на то, что диссонанс не является отрицательным сам по себе, но представляет собой качество, которое можно использовать во многих различных направлениях для самых разных целей, включая посредничество, примирение и диалог (Р. 54). Вместо «диссонантного» наследия В. Кисич предлагает термин «диссонанс наследия», который признает, что любое наследие имеет диссонанс как качество и его значения случайны — «он присутствует как пассивный потенциал наследия. Это скрытое качество становится активным только тогда, когда артикулируются новые мнения²⁷ и раскрываются уже устоявшиеся дискурсы, связанные с этим конкретным наследием» (Р. 29).

Далее В. Кисич обращается к дискурсивному сдвигу в понимании наследия, поскольку «на разнообразии вариантов решения проблемы диссонанса влияют не только наши сознательные намерения, но и дискурс наследия, в котором мы принимаем участие» (Р. 33–34). Подробно анализируя концепцию «авторизованного дискурса наследия» Л. Смит (Р. 54–57), В. Кисич отмечает, что «конфликты, споры и диссонансы, связанные с наследием, существовали всегда, но были скрыты авторизованным дискурсом наследия и его моделями управления» (Р. 55), однако с течением времени диссонанс наследия становится все более заметным благодаря движениям за права человека, постколониальной рефлексии, претензиям коренных народов, войнам и смене режимов²⁸. В. Кисич приходит к выводу, что формирование таких концепций, как участие, равенство, инклюзия и культурное разнообразие, применяемых в отношении наследия, заложило основы нового дискурса, который определяется ею, как «инклюзивный дискурс наследия» (Р. 55). Эта дискурсивная структура, как характеризует ее В. Кисич, признает

²⁴ Smith L. *Uses of Heritage*. P. 81.

²⁵ Tunbridge J.E., Ashworth G.J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*.

²⁶ Moufakkir O., Kelly I. *Tourism, Peace and Progress*. Cambridge, 2010; Dragičević Šešić M., Rogać Lj. *Balkan Dissonant Heritage Narratives (and Their Attractiveness) for Tourism* // *American Journal of Tourism Management*. 2014. Vol. 3 (1B). P. 10–19.

²⁷ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, 1983; Laclau E. *Power and Representation. Politics, Theory and Contemporary Culture*. New York, 1993. P. 277–296; Couldry N. *Why Voice Matters? Culture and Politics after Neoliberalism*. London, 2010.

²⁸ Barkan E. *The Guilt of Nations: Restitution and Negotiating Historical Injustice*. Baltimore, 2000.

диссонанс и его использование для диалога и межкультурного посредничества, в ее рамках создается возможность говорить о наследии и работать с ним таким образом, чтобы дать возможность для формирования его различных значений. Напряжение и энергия, которые несет диссонанс в наследии, — это не обязательно энергия насилия, но энергия действия и изменения, которую можно использовать во благо (Р. 31).

Исследуя позиционирование диссонанса наследия как объекта культурной политики, В. Кисич анализирует международные декларации, конвенции и хартии, созданные Международным советом по памятникам и достопримечательным местам (ICOMOS), Советом Европы и ЮНЕСКО. Объектом анализа исследовательницы выступают ключевые международные документы в виде цепочки инструментов и дискурсивных текстов в хронологической последовательности, иллюстрирующие изменения в отношении и управлении диссонансом наследия как на международном, так и на национальном уровне (Р. 33). При рассмотрении международных конвенций до 2000-х гг. В. Кисич приходит к выводу, что в основе этих программных документов лежит авторизированный дискурс наследия, опирающийся на материальность наследия и трактующий его ценность как ключевую черту, которая может быть раскрыта экспертами — «через сам процесс отбора и интерпретации разрешается единственное значение определенного наследия, в то время как диссонанс, основанный на множественности интерпретаций, игнорируется и нейтрализуется, что приводит к единому пониманию прошлого и идентичности определенного сообщества» (Р. 33). Однако с началом следующего тысячелетия множественные концептуальные сдвиги, нашедшие отражение в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 г., Конвенции ЮНЕСКО о разнообразии форм культурного самовыражения 2005 г. и Рамочной конвенции Совета Европы о ценности наследия для общества 2005 г. (Конвенция Фаро), указывают, по мнению В. Кисич, на появление нового «инклюзивного дискурса наследия», т.к. эти международные документы расширили концепцию наследия на политическом уровне: признали нематериальное наследие, культурное разнообразие, партисипацию, межкультурный диалог, демократизацию и участие различных субъектов в управлении наследием в качестве предварительного условия для устойчивого развития общества (Р. 33). Таким образом, В. Кисич обозначает два конкурирующих дискурса и противоречия, возникающие между старыми и новыми политическими текстами; между новыми политическими текстами и некоторыми старыми политическими мерами и инструментами для их реализации; а также между новыми политическими текстами и тем, как их применяют на практике (Р. 34). При этом она подчеркивает, что несмотря на то, что некоторые формулировки нового дискурса наследия широко представлены в устной и письменной риторике культурной политики, авторизированный дискурс наследия по-прежнему остается доминирующей структурой для сохранения наследия.

Обращаясь к практике наследия как способу работы с диссонансом, В. Кисич подчеркивает свой сознательный выбор не отбирать, не рассматривать и не сравнивать примеры инструментов культурной политики, относящиеся исключительно к объектам «диссонантного» наследия. Вместо этого в отношении практической части исследования она ставит перед собой задачу, «онтологически перейти от фетишизации артефактов и мест как ограничивающих конкретную память, к обсуждению практик, формирующих наследие, и согласованию определенных интерпретаций и аспектов памяти» (Р. 37). В исследовании рассматриваются четыре инициативы, которые различаются по масштабу, направленности, подходу и участникам, но все они работают с диссонансом наследия в Юго-Восточной Европе с целью примирения и создания мира.

Первая из них, процесс транснациональной серийной номинации средневековых надгробий Стечаки (*Stećaks*) в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, выдвинутых министерствами культуры Боснии и Герцеговины, Хорватии, Черногории и Сербии. Проект был реализован экспертами из всех четырех стран при содействии Бюро ЮНЕСКО в Сараево (Босния и Герцеговина). Это тематическое исследование, описанное в главе 5 (Р. 101–140), сосредоточено на одном из наиболее устоявшихся механизмов политики в области наследия — номинации и включения в Список всемирного наследия как его результате. В этой главе представлен анализ того, как престиж включения в Список может служить объединяющей силой для транснационального сотрудничества и для выработки консолидированной интерпретации общего для стран Юго-Восточной Европы наследия, которое в течение последних 150 лет было предметом диссонирующих толкований и претензий на обладание.

Вторая инициатива — это передвижная выставка «Представляя Балканы: идентичности и воспоминания долгого XIX века». Этот проект был инициирован Бюро ЮНЕСКО в Венеции с участием национальных музеев из 12 стран Юго-Восточной Европы, а также ряда зарубежных экспертов. Его обсуждению и изучению посвящена глава 6 (Р. 141–188), в которой В. Кисич предпринимает попытку деконструировать и обсудить 12 конкурирующих национальных нарративов и предлагает «общую интерпретацию долгого XIX-го века» в Юго-Восточной Европе, безмолвного по многим сложным вопросам.

Третьим примером является проект Нового старого музея, направленный на музеелизацию истории Югославии путем создания постоянной экспозиции в Музее истории Югославии в Белграде (Сербия), которая объединила профессионалов из всех бывших постюгославских государств, вместо представления только сербской точки зрения. В. Кисич посвящает этому проекту главу 7 (Р. 189–238) и описывает историю музея, который сохраняет наследие не только официальных сторон ранее входивших в Югославию республик, но и живых свидетелей распада страны среди граждан.

Наконец, четвертой рассмотренной в исследовании инициативой является Хорватский архив воспоминаний, представляющий собой онлайн-музеелизацию личных воспоминаний о войнах. Она была реализована Документационным центром взаимодействия с прошлым, неправительственной организацией в Хорватии, занимающейся правозащитной деятельностью. Этот проект анализируется в главе 8 (Р. 239–270), в которой В. Кисич показывает, как наследие используется в контексте прав человека для противопоставления официальной памяти через личные воспоминания о войнах.

Завершая исследование, В. Кисич подчеркивает, что изучение пространств и практик, связанных с диссонансом наследия, существующих как альтернатива искажению или полному забвению, и анализ механизмов, делающих диссонанс видимым и обсуждаемым, являются важным шагом для развития долгосрочных программ, стратегий и политики, связанных с «острыми» ситуациями диссонанса наследия как в Юго-Восточной Европе, так и в других странах. Поскольку в понимании В. Кисич диссонанс наследия — это скрытое качество любого наследия, то данная основополагающая мысль может стать стимулом переосмысления концептуальных, нормативных и прагматических основ политики, относящейся к наследию, диссонанс которого в настоящий момент не активен (Р. 47–48). Именно в таком подходе, по мнению автора рецензии, заключается новаторство и «влиятельность» исследования В. Кисич. Применение концепции диссонанса наследия позволяет вывести теоретическое осмысление трудного наследия за рамки *memory studies* и *trauma studies*, к которым тяготеют отечественные исследователи,

загрязняющие данную проблематику, и значительно расширяет спектр тем и объектов *difficult heritage studies* как междисциплинарной сферы исследований.

Список литературы

Ананьев В.Г. Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «авторизированный дискурс наследия» Лораджин Смит // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 232–239.

Мастеница Е.Н., Серикова А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. 2021. № 1. С. 79–85.

Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.

Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.

Hamm M. Making heritage contentious. On the Productivity of Conflicts and Dissonances // Contentious Cultural Heritages and Arts. A Critical Companion. Klagenfurt: Wieser, 2020. P. 119–145.

Krankenhagen S. Exhibiting Europe: The Development of European Narratives in Museums, Collections, and Exhibitions // Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research. 2011. Vol. 3 (3). P. 269–278.

Kusek R., Purchla J. (Eds). Heritage and Society. Krakow: International Cultural Centre, 2019. 488 p.

Lahdesmaki T., Passerini L., Kaasik-Krogerus S., van Huis I. (Eds.) Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europa. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 305 p.

Macdonald Sh. Difficult heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond. New York: Routledge, 2009. 240 p

Macdonald Sh. Memorylands. Heritage and Identity in Europe today. New York: Routledge, 2013. 309 p.

Samuels J. Coming “to Terms” with Sicily’s Fascist Past // Heritage Keywords. Rhetoric and Redescription in Cultural Heritage. Boulder: University Press of Colorado, 2015. P. 111–128.

Silverman H. Contested Cultural Heritage. Religion, Nationalism, Erasure, and Exclusion in a Global World. New York: Springer, 2011. 297 p.

Smith L. Uses of heritage. London: Routledge, 2006. 368 p.

Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 1996. 305 p.

Wollentz G. Landscapes of Difficult Heritage. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 293 p.

Wollentz G. Prehistoric Violence as Difficult Heritage. Sandby Borg—A Place of Avoidance and Belonging // Current Swedish Archeology. 2017. Vol. 25. P. 199–226.

Wollentz G., May S., Holtorf C., Högborg A. Toxic Heritage: Uncertain and Unsafe // Heritage Futures. Comparative Approaches to Natural and Cultural Heritage Practices. London: UCL Press, 2020. P. 294–313.

References

Ananiev, V.G. Teoreticheskoe osmyslenie naslediya v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii: «avtorizirovannyj diskurs naslediya» Loradzhin Smit [Theoretical Interpretation of Heritage in Contemporary Foreign Historiography: The Concept of the Authorized Heritage

Discourse by Laurajane Smith], in *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2014. Vol. 156. Pt. 3. P. 232–239. (in Rus.).

Felcher, A.B. Issledovaniya naslediya i politiki pamyati—v poiskah obshchih podhodov [Heritage studies and the politics of memory—in search for common approaches], in *Politicheskaya nauka*. 2018. Vol. 3. P. 28–44. (in Rus.).

Hamm, M. Making heritage contentious. On the Productivity of Conflicts and Dissonances, in *Contentious Cultural Heritages and Arts. A Critical Companion*. Klagenfurt: Wieser, 2020. P. 119–145.

Krankenhausen, S. Exhibiting Europe: The Development of European Narratives in Museums, Collections, and Exhibitions, in *Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research*. 2011. Vol. 3. P. 269–278.

Kusek, R., Purchla, J. (Eds). *Heritage and Society*. Krakow: International Cultural Centre, 2019. 488 p.

Lahdesmaki, T., Passerini, L., Kaasik-Krogerus, S., van Huis, I. (Eds.). *Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europa*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 305 p.

Macdonald, Sh. *Difficult heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond*. New York: Routledge, 2009. 240 p

Macdonald, Sh. *Memorylands. Heritage and Identity in Europe today*. New York: Routledge, 2013. 309 p.

Mastenitsa, E.N., Serikova, A. «Dissonantnoe» nasledie v trudah otechestvennyh issledovatelej [“Dissonant” heritage in the works of Russian researchers], in *Obrazovanie i kul’turnoe prostranstvo*. 2021. Vol. 1. P. 79–85. (in Rus.).

Samuels, J. Coming “to Terms” with Sicily’s Fascist Past, in *Heritage Keywords. Rhetoric and Redescription in Cultural Heritage*. Boulder: University Press of Colorado, 2015. P. 111–128.

Silverman, H. *Contested Cultural Heritage. Religion, Nationalism, Erasure, and Exclusion in a Global World*. New York: Springer, 2011. 297 p.

Smith, L. *Uses of heritage*. London: Routledge, 2006. 368 p.

Smith, L. «Zerkalo naslediya»: narcissicheskaya illyuziya ili mnozhestvo otrazhenij? [The “patrimonial mirror”: narcissistic illusion or multiple reflections?], in *Voprosy muzeologii*. 2013. Vol. 2 (8). P. 27–44. (in Rus.).

Tunbridge, J.E., Ashworth, G.J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 1996. 305 p.

Wollentz, G. *Landscapes of Difficult Heritage*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 293 p.

Wollentz, G. Prehistoric Violence as Difficult Heritage. Sandby Borg—A Place of Avoidance and Belonging, in *Current Swedish Archeology*. 2017. Vol. 25. P. 199–226.

Wollentz, G., May, S., Holtorf, C., Högborg, A. Toxic Heritage: Uncertain and Unsafe, in *Heritage Futures. Comparative Approaches to Natural and Cultural Heritage Practices*. London: UCL Press, 2020. P. 294–313.